

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Мироновой Алины Михайловны «Религиозно-мистический опыт как проявление человеческой субъективности», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

Диссертационное исследование А. М. Мироновой посвящено философско-антропологическому осмыслению религиозно-мистического опыта как особого проявления человеческой субъективности. Выбор данной проблематики представляется актуальным как в теоретико-методологическом, так и в более широком гуманитарном отношении. Религиозно-мистический опыт относится к числу феноменов, которые, несмотря на длительную историю их философского и религиоведческого изучения, сохраняют значительную проблемность с точки зрения определения их природы, механизмов формирования и способов научного исследования. Автор справедливо обращает внимание на методологический плюрализм, сложившийся в современной науке: наряду с философскими и религиоведческими концепциями сегодня используются подходы когнитивного религиоведения, психологии, нейробиологии и нейротеологии. При этом непосредственному научному наблюдению доступна прежде всего человеческая сторона религиозно-мистического опыта, тогда как вопрос о сверхъестественном источнике соответствующих переживаний принципиально выходит за пределы эмпирической верификации. Именно это обстоятельство обуславливает обращение автора к человеческой субъективности как основному полю анализа религиозно-мистических состояний.

Объектом исследования выступает человеческая субъективность, объективированная в религиозных системах, предметом — религиозно-мистический опыт как проявление человеческой субъективности. Цель работы состоит в раскрытии внутренних механизмов развития и осуществления религиозно-мистических состояний. Для достижения поставленной цели А. М. Миронова обращается к проблемам соотношения рационального и иррационального в человеческой субъективности, анализирует антропологические основания мистического опыта, сопоставляет эссенциализм, конструктивизм, атрибуционную теорию, когнитивное религиоведение и нейротеологию, а затем предлагает применение деятельностного и праксеологического подходов к анализу религиозно-мистического опыта и духовных практик. Исходная гипотеза автора

заключается в том, что деятельностный подход способен раскрыть внутренние механизмы развития и осуществления религиозно-мистического опыта.

Структура диссертации логически соответствует поставленной цели и исследовательским задачам. Работа включает введение, две главы, объединяющие семь параграфов, заключение и список литературы из 179 источников; общий объем диссертации составляет 183 страницы.

В первой главе — «Современные подходы к изучению религиозно-мистического опыта» — автор последовательно формирует философско-антропологические основания собственной концепции. В параграфе 1.1 рассматривается понятие человеческой субъективности и прослеживается изменение представлений о субъекте от классической философии к постклассической. Существенное значение для дальнейшей аргументации имеет отказ от редукции субъективности к рациональному сознанию. Автор исходит из представления о человеке как целостном, становящемся, деятельном существе, внутренний мир которого включает рациональные, внерациональные и иррациональные компоненты. Особое внимание уделяется способности субъекта к самопознанию, самополаганию, творчеству и самотрансформации. В результате анализа философских концепций субъективность характеризуется через приватность, историчность, процедурность, событийность, деятельностный характер, диалогичность и интенциональность. Человек при таком понимании одновременно преобразует окружающий мир, объективируя в культуре содержание собственного внутреннего опыта, и преобразует самого себя.

В параграфе 1.2 религиозно-мистический опыт рассматривается непосредственно как феномен человеческой субъективности. Автор подчеркивает его исключительный, немассовый характер, трудность вербализации, трансляции и внешней верификации. При этом принципиально важной становится методологическая установка на анализ доступной исследователю человеческой составляющей данного феномена. Мистический опыт интерпретируется как субъект-объектный процесс, однако вопрос о сверхъестественной стороне этого отношения выводится за границы научного рассмотрения. В центре внимания оказывается субъект опыта, его внутренний мир, предшествующая подготовка, интерпретация пережитого, телесные и когнитивные процессы.

Одним из важных результатов этого раздела является выделение двух способов реализации человеческой субъективности. Первый связан с внешней трансформацией: человек объективирует свой внутренний, в том числе религиозный, опыт в продуктах культуры — текстах, произведениях искусства, символических формах. Второй представляет собой

аутотрансформацию, при которой преобразовательная активность субъекта направляется на него самого. Таким образом, творчество и изменение внешнего мира, с одной стороны, и самоизменение и самосовершенствование — с другой, трактуются как два взаимосвязанных способа реализации субъективности.

В параграфах 1.3 и 1.4 дан развернутый критический обзор существующих исследовательских моделей мистического опыта. Автор рассматривает противостояние эссенциалистской и конструктивистской, или контекстуалистской, позиций. Если представители эссенциализма исходят из существования универсальных, кросскультурных характеристик мистических состояний, то конструктивисты акцентируют обусловленность любого опыта языком, религиозной традицией и социокультурным контекстом. Атрибуционная теория анализируется как попытка соединить сильные стороны этих двух исследовательских установок, учитывая одновременно значение культурной среды и психологических и когнитивных механизмов формирования опыта.

Вместе с тем диссертант показывает ограничения каждой из названных моделей. Эссенциалистские концепции сталкиваются с трудностью обоснования универсального набора сущностных характеристик мистического опыта; конструктивистские теории, по мнению автора, склонны к абсолютизации социокультурного и лингвистического контекста; атрибуционный подход, ограничивая область исследования конкретными традициями и способами обозначения опыта, не всегда позволяет перейти от анализа концептов и языковых описаний к самому переживаемому состоянию. Наряду с фундаментальными теориями исследуются когнитивное религиоведение и нейротеология. Автор положительно оценивает использование экспериментальных методов, нейровизуализации и изучения когнитивных механизмов, но отмечает, что накопление эмпирического материала пока не сопровождается формированием единой и непротиворечивой теоретической модели его интерпретации. В особенности это относится к нейротеологическим данным, которые могут получать принципиально различные мировоззренческие истолкования.

Итог первой главы закономерно подводит автора к антропологическому ракурсу исследования. Независимо от того, придерживается исследователь эссенциализма, контекстуализма, атрибуционизма либо обращается к когнитивным и нейрофизиологическим объяснениям, религиозно-мистический опыт становится доступен научному анализу через человека — носителя соответствующего переживания. А. М. Миронова делает следующий шаг и предлагает рассмотреть такой опыт не только как состояние или

переживание, но и как деятельность. По ее мнению, опыт предполагает мотивацию, цель, методы и средства, а субъект мистического опыта оказывается ориентированным на преобразование себя ради достижения определенного духовного состояния.

Вторая глава — «Религиозно-мистический опыт как практика» — содержит собственно концептуальную часть исследования. В параграфе 2.1 автор обращается к праксеологическому подходу. Отказываясь от попытки научного суждения о сверхъестественном источнике опыта, диссертант сосредоточивается на его деятельностной, субъективной и психофизиологической стороне. Мистический праксис определяется как деятельность, целью которой выступает общение или единение с Первопричиной. При этом специфика мистической практики состоит в особом соотношении субъекта и объекта и направленности преобразовательной активности прежде всего на самого субъекта. Мистическая практика трактуется как «практика себя», как аутотрансформация и конституирование субъекта. Для обоснования данной позиции используются идеи деятельностного подхода, а также концепция «практик себя» М. Фуко.

В параграфе 2.2 раскрывается деятельностная природа религиозно-мистического опыта. Здесь особенно отчетливо проявляется авторский замысел диссертации. Мистическое состояние, внешне способное производить впечатление бездействия и пассивности, интерпретируется как итог продолжительной внутренней и внешней работы субъекта. Его появлению, как правило, предшествуют аскетические действия, молитва, медитативные и иные психотехнические приемы, изменение образа жизни, этическое самосовершенствование и целенаправленная подготовка сознания и тела. Тем самым мистический опыт предстает не как внезапно возникающее изолированное переживание, а как процесс, включенный в определенную структуру деятельности.

В параграфе 2.3 рассматривается связь религиозно-мистического опыта с духовными практиками различных традиций. Автор сопоставляет христианский мистицизм, в частности практику исихазма, с элементами индуистских и буддийских духовных практик и приходит к выводу о наличии трех принципиальных этапов мистического пути: очищения, концентрации и единения. При различии доктринальных оснований и конечного религиозного смысла соответствующих практик обнаруживается определенное сходство их психофизических элементов: изменение образа жизни, этическая дисциплина, сосредоточение внимания, особые способы организации дыхания и положения тела, молитва или медитация.

Значимым представляется вывод автора о необходимости учитывать телесность субъекта. Религиозно-мистический опыт не сводится исключительно к состояниям сознания или «души»: тело рассматривается как необходимый участник практик аутотрансформации. Эта позиция раскрывается посредством обращения к идеям П. А. Флоренского и И. А. Ильина, а также к современным представлениям о целостности психофизической организации человека. В итоге духовная практика понимается диссертантом как комплексная деятельность целостного субъекта. Различные техники имеют неодинаковые религиозные смыслы, однако в них обнаруживаются повторяющиеся антропологические механизмы, что автор связывает с единством человеческой психофизической природы.

В заключении систематизируются результаты проведенного исследования. А. М. Миронова возвращается к исходной гипотезе и обосновывает положение о деятельностном характере религиозно-мистического опыта. Субъективность рассматривается как динамическая, развивающаяся реальность, способная одновременно объективировать себя в культуре и осуществлять собственную аутотрансформацию. Мистический путь предполагает значительную подготовительную деятельность, включающую аскезу, молитву, психотехнические действия и изменение образа жизни. Даже кажущаяся пассивность мистика — уединение, молчание, прекращение внешней активности, концентрация — понимается как функциональный элемент внутренней работы, направленной на изменение состояния субъекта.

К научно значимым результатам диссертации следует отнести разработку антропологической трактовки религиозно-мистического опыта; применение деятельностного подхода к объяснению механизмов его формирования; раскрытие взаимосвязи объективации и интериоризации религиозного опыта; обоснование аутотрансформации как важнейшего содержания мистических практик; акцентирование роли телесных и психофизических механизмов; а также попытку соединить философско-теоретическое осмысление мистического опыта с результатами современных когнитивных и нейрофизиологических исследований. Представляется продуктивным само стремление автора преодолеть противопоставление теоретических моделей и эмпирических данных посредством обращения к деятельности конкретного субъекта как к связующему звену между ними. Авторская позиция сформулирована достаточно определенно и последовательно проведена через основные разделы исследования.

Теоретическая значимость работы обусловлена возможностью использования предложенной модели при дальнейшем философско-

антропологическом и философско-религиоведческом изучении измененных, духовных и религиозно-мистических состояний человека. Практическая значимость связана прежде всего с возможностью использования материалов диссертации в преподавании философской антропологии, философии культуры, философии религии и смежных гуманитарных дисциплин, а также в дальнейших междисциплинарных исследованиях, обращенных к когнитивным и психофизическим механизмам религиозного опыта.

Вместе с общей положительной оценкой диссертационного исследования представляется необходимым обозначить ряд вопросов и замечаний дискуссионного характера.

1. Требуем дополнительного уточнения соотношение деятельностного и праксеологического подходов. В диссертации праксеологический подход во многом основывается на положениях деятельностной концепции и используется для описания структуры и способов осуществления мистической практики. В этой связи было бы полезно более четко определить методологическую границу между применением уже разработанного деятельностного подхода к новому предметному полю и формированием самостоятельного праксеологического подхода к религиозно-мистическому опыту.

2. Дискуссионным является вопрос об универсальности выделяемой структуры «очищение — концентрация — единение». Представленная сравнительная часть действительно позволяет обнаружить существенное сходство ряда духовных и психофизических техник. Вместе с тем сама диссертация преимущественно ориентирована на христианскую модель мистицизма, тогда как другие религиозные традиции рассматриваются в меньшей степени. Поэтому тезис об универсальности выявленной трехчастной структуры, на наш взгляд, нуждается либо в несколько более осторожной формулировке, либо в расширении компаративного материала.

3. Определенной осторожности требуют интерпретации данных когнитивного религиоведения и нейротеологии. Автор справедливо указывает на неоднозначность интерпретации нейрофизиологических коррелятов мистического опыта. Однако в отдельных случаях переход от экспериментально фиксируемых психофизиологических изменений к философским заключениям о механизмах религиозно-мистического опыта мог бы сопровождаться более строгим разграничением собственно эмпирических данных, их интерпретаций соответствующими авторами и философско-антропологическими выводами самого диссертанта.

4. Нуждается в дополнительном обсуждении понятие аутотрансформации как сущности религиозно-мистического опыта.

Предложенная трактовка представляется эвристически продуктивной применительно к тем мистическим традициям, в которых достижению опыта предшествует длительная духовная практика. Вместе с тем интерес представляет вопрос о том, насколько данная модель применима к спонтанным религиозно-мистическим переживаниям, не предваренным сознательной системой духовных упражнений. Более подробное рассмотрение таких пограничных случаев позволило бы конкретизировать область применимости авторской концепции.

Высказанные замечания носят преимущественно дискуссионный и уточняющий характер, отражают сложность и многоаспектность избранного предмета исследования и не снижают общей положительной оценки выполненной работы. Напротив, наличие подобных вопросов свидетельствует об эвристическом потенциале предложенной автором концепции и возможности ее дальнейшего развития.

Диссертация А. М. Мироновой представляет собой самостоятельное, внутренне целостное научно-квалификационное исследование, посвященное актуальной проблеме философской антропологии и философии культуры. Поставленные автором цель и задачи в целом получили последовательное решение, выводы соотносятся с содержанием проведенного исследования, а предложенный деятельностно-праксеологический ракурс позволяет по-новому поставить вопрос о роли человеческой субъективности в формировании и осуществлении религиозно-мистического опыта.

Тема и содержание диссертации соответствуют научной специальности 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки), в том числе следующим пунктам паспорта специальности: 4. Человек как особый род сущего; 10. Феномены человеческой субъективности; 21. Культурно-философская антропология; 25. Философско-религиозная антропология; 73. Проблемы индивидуальной и социальной инкультурации.

С учетом вышеизложенного считаю, что диссертация «Религиозно-мистический опыт как проявление человеческой субъективности» соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата философских наук, а ее автор Миронова Алина Михайловна заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки).

Официальный оппонент
доктор теологии (5.11.2. Историческая теология (протестантизм)),
профессор Школы философии и культурологии Факультета гуманитарных
наук НИУ «Высшая школа экономики»
Золотухин Всеволод Валерьевич

«8» сентября 2026 г.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Сайт: <https://www.hse.ru/>

Телефон: +7 (495) 772-95-90, 22685

Электронная почта: vakis2011@gmail.com

Подпись заверяю

Ведущий специалист по
кадровому делопроизводству
центра по кадровому администрированию
Управления персонала
Ляпина А.А.

